

Метаонтология

Питер ван Инваген

Для цитирования: ван Инваген, Питер. «Метаонтология». Перевод и примечания М.В. Шпаковского и А.С. Павлова. *Историко-философский ежегодник* 38 (2023): 371–400.

For citation: van Inwagen, Peter. “Meta-ontology.” Translated and commented by Mikhail V. Shpakovskiy and Alexey S. Pavlov. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 38 (2023): 371–400. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 03.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 19.09.2023

Куайн назвал вопрос «Что есть?» («What is there?») «онтологическим вопросом». Но если мы называем этот вопрос именно таким образом, то как следует назвать вопрос «Что мы спрашиваем, когда задаем вопрос: “Что есть?”»? Устоявшееся словоупотребление (даже если оно некорректно¹) предполагает название «метаонтологический вопрос», и это то название, которое я буду использовать. Попытки ответить на метаонтологический вопрос я буду называть «метаонтологией», а любой предложенный на него ответ – «некой метаонтологией» (a meta-ontology). В этом эссе я буду работать с определенной метаон-

---

¹ Такие неологизмы, как «метаязык» и «метафилософия» (которые я здесь передразниваю), основаны на неверном понимании происхождения слова «метафизика». – *Примеч. авт.*

тологией и представлять одну из метаонтологий. Представляемую мною метаонтологию следует считать в широком смысле куайнианской. Более того, я готов назвать ее изложением метаонтологии Куайна. (Следует отличать метаонтологию Куайна от его онтологии, т.е. от его разнообразных тезисов о том, что есть и чего нет. Метаонтология Куайна включает в себя такие пропозиции, как его тезисы о квантификации и онтологическом обязательстве. Его онтология включает в себя такие пропозиции, как пропозиция о том, что пропозиций не существует).

Метаонтологию Куайна можно сформулировать в виде достаточно краткого списка тезисов: приблизительно пяти, в зависимости от того, как именно их членить. Пускай их будет пять. Некоторые из этих тезисов, которые я перечислю, никогда не формулировались Куайном эксплицитно (первый из списка – точно нет), но я не сомневаюсь, что он согласился бы с каждым из них.

Тезис 1. Бытие – это не деятельность

То, что Дж.Л. Остин говорил о «существовать» (а мы в этом разделе будем рассматривать отношения между «существовать» и «быть»), с тем же успехом он мог бы сказать и о «быть»: «Будучи глаголом, оно описывает не что-то такое, что вещи совершают постоянно, не что-то вроде дыхания, только более незаметного, или вроде работы вхолостую – в метафизическом смысле»². Дабы понять, что мы отрицаем, когда отвергаем понимание бытия как деятельности (activity), давайте попытаемся понять тех, кто принимает или говорит так, как если бы принимал то, что мы отрицаем. Давайте попытаемся проникнуть в их мысли.

Одни виды деятельности более общи, чем другие. Что я делаю сейчас? Я пишу. Я пишу философское эссе. Оба эти суждения – ответы на заданный мною вопрос, однако из правильности второго следует правильность первого, тогда как из правильности первого не следует правильность второго. Будем

---

² Джон Остин, «Смысл и сенсibiliи», в Джон Остин, *Избранное* (М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999), 191.

говорить, что деятельность А является *более общей, чем* деятельность В, если из того, что нечто осуществляет деятельность В, следует, что оно осуществляет деятельность А, но обратное следование не имеет места.

Мы можем задать вопрос относительно каждой вещи (или, по крайней мере, относительно каждой вещи, осуществляющей какую бы то ни было деятельность): существует ли наиболее общая форма деятельности, которую эта вещь осуществляет – некая деятельность, которую она осуществляет в силу осуществления какой бы то ни было деятельности вообще. Многие представители экзистенциалистско-феноменологической традиции, если я их правильно понимаю, ответили бы: «Да»; они назвали бы такую деятельность «бытием», или «существованием» вещи.

Мы также могли бы спросить, существует ли наиболее общая форма деятельности *simpliciter* – некая деятельность, которую вещи осуществляют в силу осуществления какой бы то ни было деятельности вообще. Я полагаю, что, во всяком случае, некоторые представители экзистенциалистско-феноменологической традиции ответили бы: «Нет». К примеру, насколько я понимаю Сартра, он сказал бы, что наша с вами наиболее общая форма деятельности (*être pour-soi*) – это не то же самое, что и наиболее общая форма деятельности стола (*être en-soi*). Таким образом, Сартр может сказать, что я и стол обладаем различными видами *être*, поскольку то наиболее общее, что делает стол (просто стоит здесь; испытывает причиняемые извне воздействия), – это не то наиболее общее, что делаю я (осознаю альтернативные возможности и выбираю из них; преследую выбранную мной цель на основании созданного мной мотива).

Я не намерен отрицать, что есть некая наиболее общая форма деятельности, которую я осуществляю. Пожалуй, если бы мне пришлось ее как-то назвать, то я бы назвал ее «длением» (*lasting*), «продолжением во времени» (*enduring*), «старением» (*getting older*). Но я расхожусь с Сартром и большинством остальных представителей экзистенциалистско-феноменологической традиции по двум пунктам. Во-первых, я бы сказал, что я принимаю участие в этой наиболее общей форме деятельности наряду со всем остальным сущим – или, по крайней мере,

наряду со всеми конкретными обитателями мира природы. Вторых, я сказал бы, что было бы попросту неправильно называть эту деятельность «существованием», «бытием» или «*être*» или использовать для этого любое другое слово, которое содержит корень, связанный с «*être*», «*esse*», «*existere*», «*to on*», «*einai*», «*Sein*», «быть» или «есть».

Я не могу сказать, что «дление» или «продолжение во времени» не имеют ничего общего с бытием, поскольку бытие (равно как истина и тождество) есть то, что средневековые мыслители называли трансценденталией, и то, что в значительной мере связано со всеми вещами. Однако, на мой взгляд, продолжение во времени связано с бытием *не более* тесно, чем цвет, форма, разум или навык езды на велосипеде, в силу того очевидного соображения (высказанного в иной связи Ньюменом³), что одна идея – это не другая идея.

Несомненно, между разумными существами и простыми неодушевленными объектами есть большая разница. Я убежден в этом столь же твердо, как и Сартр. Однако настаивать, как это делаю я, на том, что эта разница не состоит в том, что вещь одного типа имеет тип бытия, отличный от типа бытия вещи другого типа, – не значит преуменьшать значение этой разницы. Существенная разница между мною и столом заключается не в том, что мы обладаем глубоко отличающимися типами бытия (*Dasein, dass sein*, «что нечто *есть*»); она заключается, скорее, в том, что мы обладаем глубоко отличающимися типами *природ* (*Wesen, was sein*, «что нечто *есть*»). Если хотите, глубокая разница между мною и столом в том, *каковы* мы. Это совершенно заурядное утверждение: что глубокая разница между А и В должна заключаться в глубокой разнице между их природами. Но если может быть проведено разграничение между бытием некоторой вещи и ее природой, то эта заурядная истина вступает в конкуренцию с некой вполне определенной ложью. И если кто-то отрицает заурядное в самом начале своих исследований, он неизбежно столкнется в них с проблемами в дальнейшем.

---

³ Имеется в виду кардинал Джон Генри Ньюмен. – *Примеч. пер.*

Тезис 2. Бытие – это то же самое, что и существование

Многие философы различают бытие и существование⁴. А именно, они различают то, что выражается при помощи «есть» (there is) и «существует» (exists). Вслед за Куайном я отрицаю, что есть какая-либо существенная разница в этом разграничении: сказать, что собаки существуют – это то же самое, что сказать, что собаки есть, и сказать, что Гомер существовал – это то же самое, что сказать, что была такая личность, как Гомер. Это может показаться очевидным, но если задуматься, это может оказаться и не столь очевидным. Допустим, я обсуждаю чей-то параноидальный бред и говорю: «Есть много несуществующих вещей, в которые этот человек верит». На первый взгляд, я, как кажется, говорю, что есть вещи, которые не существуют: отравы в его напитке, коварный замысел его дядюшки и т.д. Быть может, тот, кто размышляет над этим примером, заключит, что вовсе не очевидно, что быть и существовать – это одно и то же. Но независимо от того, очевидно это или нет, это истинно. *Нет* несуществующей отравы в напитке параноика. *Нет* такой вещи, как коварный замысел его дядюшки. Словом, вещей, которых не существует, нет. Этот тезис представляется мне столь очевидным, что я даже не знаю, как его можно было бы пытаться обосновать. Могу сказать лишь следующее: если вы думаете, что есть вещи, которых не существует, то приведите мне пример таких вещей. Правильной реакцией на ваш пример будет либо «Нет, это существует», либо «Подобной вещи нет».

Поскольку я не знаю, как можно было бы пытаться обосновать тождество бытия и существования (кроме как посредством рассмотрения и опровержения всех известных попыток привести пример несуществующих объектов), мне надо попытаться найти какие-то отличные от аргументации способы убедить вас смотреть на вещи так же, как и я. Расскажу вам забавную историю. По крайней мере, мне она кажется забавной. Но полагаю,

---

⁴ См., к примеру, Terence Parsons, *Nonexistent Objects* (New Haven, 1980). – *Примеч. авт.*

что если для вас имеется серьезная разница между «есть» и «существует», то вы сочтете эту историю скорее раздражающей, чем забавной. (Это предположение в известной мере подкрепляется эмпирическим свидетельством: У.В.О. Куайн считает эту историю забавной, а Теренс Парсонс – раздражающей⁵.)

Однажды мой друг Виман⁶ сказал мне, что в четвертом томе «Собрания сочинений» Мейнонга на стр. 253 есть место, в котором Мейнонг признает противоречивость своей теории объектов. Четыре часа спустя, после утомительных и бесплодных поисков я ворвался в кабинет Вимана и не без некоторой горячности объявил ему, что такого места нет. – «О, – ответил Вайман. – Ты не прав. Такое место есть. В конце концов, ты все это время искал его: есть что-то такое, что ты все это время искал. Полагаю, я могу объяснить твою ошибку: хотя такое место *есть*, его не *существует*. Твоя ошибка кроется в твоей неспособности уловить это разграничение». Я был возмущен.

Мой отказ признать разграничение существования и бытия – это просто мое возмущение, которое я припомнил в спокойном расположении духа и обобщил.

Тезис 3. Бытие унивокально

И – могли бы добавить мы – поскольку существование – это то же самое, что и бытие, то существование унивокально. Многие философы считали, что «есть» и «существовать» означают одно, когда они применяются в отношении материальных объектов; второе, когда они применяются, допустим, к сознанию; третье, когда они применяются (или отрицаются) в отношении сверхъестественных существ; и, опять-таки, четвертое,

---

⁵ Куайн высказал свое мнение в личной переписке. Мнение Т. Парсонса см.: Terence Parsons, «Are There Nonexistent Objects?», *American Philosophical Quarterly* 19 (1982): 365. – *Примеч. авт.*

⁶ Виман – один из двух (наряду с МсХ) вымышленных философов, с которыми спорит Куайн в статье «О том, что есть»; очевидный намек на то, что рассказываемая ван Инвагеном история вымышлена, а ее персонажи и сами относятся к разряду несуществующих объектов. – *Примеч. пер.*

когда они применяются в отношении абстракций наподобие чисел или возможности. Очевидно, это чрезвычайно привлекательная позиция. Студенты с легкостью принимают ее, и крайне сложно убедить любого, кто ее придерживается, в ее ложности или даже в том, что она не является очевидно истинной. Тем не менее она ложна. Быть может, следующее соображение покажет, почему, по крайней мере, она не очевидно истинна. Едва ли кто-либо мог бы предположить, что числительные вроде «шесть» или «сорок три» означают разные вещи, когда они используются для подсчета разных видов объектов. Сам смысл применения арифметики состоит в том, что при помощи чисел можно подсчитать что угодно: если вы написали тринадцать эпических поэм и у меня есть тринадцать кошек, то число ваших эпических поэм *есть* число моих кошек. Однако существование тесным образом связано с числом. Сказать, что единороги не существуют – значит сказать нечто чрезвычайно похожее на то, что число единорогов равно 0; сказать, что лошади существуют – значит сказать, что число лошадей равно 1 или более. И сказать, что ангелы, идеи или простые числа существуют – значит сказать, что число ангелов, идей или простых чисел больше, чем 0. Унивокальность числа и тесная связь между числом и существованием должны убеждать нас в том, что есть, по крайней мере, веский повод полагать, что существование унивокально⁷.

Тезис о том, что существование эквивокально, находит в XX в. своего наиболее горячего сторонника в лице Райла, который говорит:

---

⁷ Как признает сам ван Инваген, идеей этого аргумента он обязан Фреге. В более поздней версии своей статьи он уточняет, что не согласен с той фрегеанской идеей, что бытие – это второпорядковое свойство, т.е. свойство понятий, или кардинальное число экстенционала понятия (если нечто существует, то кардинальное число экземплифицируемого понятия будет больше 0). Бытие в концептуальной схеме ван Инвагена можно назвать всеобщим первопорядковым свойством, т.е. свойством объектов, а не понятий. Peter van Inwagen, «Being, Existence, and Ontological Commitment», in Peter van Inwagen, *Existence: Essays in Ontology* (Cambridge: Cambridge University Press, 2014), 61–62. – *Примеч. пер.*

Совершенно корректно произнести с одним логическим ударением, что существуют сознания, и с другим логическим ударением, что существуют тела. Однако эти высказывания не обозначают два различных вида существования <...>. Они обозначают два различных смысла (senses) «существования», наподобие того, как слово «растущий» имеет разные смысловые оттенки в сочетаниях «растет прилив», «растет надежда» и «растет средний уровень смертности». Слова человека о том, что сейчас растут три вещи, а именно: прилив, надежда и средний уровень смертности, будут расценены как глупая шутка. Будет такой же шуткой сказать, что существуют четные числа, вторники, общественное мнение и военно-морские силы; или же, что существуют вместе сознания и тела⁸.

На мой взгляд, есть по крайней мере две причины того, почему «существуют простые числа, вторники, общественное мнение и военно-морские силы» звучит глупо. Во-первых, выражения «существуют вторники» и «существует общественное мнение» звучат весьма странно сами по себе. Во-вторых, трудно помыслить любое обоснование в пользу перечисления всех этих вещей в одном предложении вне зависимости от того, что о них говорят. Предлагаю вам попробовать придумать предложение о предметах из списка Райла, которое *не* звучит глупо. Если мы ограничим себя лишь двумя предметами из этого списка, то сможем составить совершенно правдоподобное предложение: «Премьер-министр имел привычку игнорировать существование вещей, с которыми он не знал, что ему делать – таких как как общественное мнение или военно-морские силы». Впрочем, нам необязательно придумывать примеры. Вот пример реальный.

Как мы знаем, в СССР <...>, есть запрет на определенные слова, термины, определенные фразы и целые <...> области реальности. Печать определенных комбинаций графем, слов или идей рассматривается не только как недопустимая, но просто как непристойная. А то, что не публикуется, в некоторым

---

⁸ Гилберт Райл, *Понятие сознания* (М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999), 32. – *Примеч. авт.*

смысле прекращает существовать. <...> Есть много чего такого, что неуместно и [вследствие этого] не существует: религия, гомосексуальность, взяточничество, голод, евреи, голые девушки, диссиденты, эмигранты, землетрясения, вулканические извержения, недуги и гениталии^{9,10}.

Ниже в этом же эссе автор пишет:

В романе недавно умершего ведущего советского писателя основные персонажи ослеплены дымом загоревшихся под Москвой торфяников и задыхаются от него. Торфяные пожары существуют по-настоящему, но не менее по-настоящему существует и брежневский режим¹¹.

Таким образом, Райл не привел ни одного аргумента в поддержку тезиса об эквивокальности существования. Я не знаю

---

⁹ Tomas Venclova, «The Game of the Soviet Censor», *New York Review of Books* 31 (1983): 34–37. – *Примеч. авт.*

¹⁰ В более поздней версии статьи ван Инваген предлагает более подробные возражения против райловского рассуждения. Прежде всего, он выделяет два возможных аргумента, которые может в нем подразумевать Райл. Во-первых, Райл мог иметь в виду, что если, например, слово «растет» имеет одинаковое значение, будучи применено, например, к человеку и к уровню смертности, то мы можем осмысленно сравнить рост человека и рост уровня смертности; сделав же это, мы обнаружим, что рост того и другого очень непохожи друг на друга; следовательно, мы имеем дело с эквивокацией. На это ван Инваген возражает, что поскольку такой аргумент строится на аналогии между «ростом» и «бытием», то, чтобы он работал, аналогия должна быть осмысленной; но чтобы она была осмысленной, бытие, как и рост, должно быть некой деятельностью (activity), тогда как Тезис 1 его метаонтологии утверждает, что это не так. Во-вторых, Райл мог иметь в виду то, что ван Инваген называет аргументом «силлепсиса» (где «силлепсис» – это синтаксически корректное высказывание, в котором одно слово употребляется одновременно в двух значениях, что обычно порождает комический эффект: «шли дождь и два студента: один в университет, другой в пальто»): фраза «X, Y и Z существуют» звучит очень странно, если X, Y и Z принадлежат к разным логическим категориям. Чтобы ответить на этот аргумент, ван Инваген объясняет странность звучания приводимых Райлом примеров с помощью той линии аргументации, которая изложена далее. См. van Inwagen, «Being», 63–66. – *Примеч. пер.*

¹¹ Venclova, «The Game of the Soviet Censor», 35. – *Примеч. авт.*

ни одного аргумента в поддержку этого тезиса, который был бы хоть сколько-нибудь правдоподобен. Следовательно, мы должны заключить, что существование унивокально, поскольку на наш ясный и веский довод в пользу унивокальности существования, приведенный выше (аргумент от унивокальности чисел и тесная связь между числом и существованием), у наших противников нет такого же довода в пользу противоположного тезиса¹².

---

¹² В более позднем варианте статьи ван Инваген рассматривает еще один аргумент в пользу эквивокальности бытия – дефляционистский аргумент от конвенций, предложенный Х. Патнэмом (Hillary Putnam, *The Ethics without Ontology* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004)). Патнэм считает, что у «существования» нет единого значения, поскольку утверждения о существовании конвенциональны: мы договариваемся считать нечто существующим или несуществующим ради удобства коммуникации по определенному вопросу. Рассмотрим случай универсалий. Если мы решим, что нам это удобно, мы можем принять конвенцию, согласно которой слова, указывающие на свойства (например, «белизна»), обозначают объекты. В таком случае мы решаем использовать выражение «существует» в конвенционально расширенном смысле (*conventionally extended sense*), таком что в нем «существует» приложимо к универсалиям. Поскольку мы получаем значения слов, используемых в метафизической семантике, конвенционально, то все споры, которые мы воспринимаем всерьез (существуют ли универсалии?), в качестве споров о фактах, должны рассматриваться в качестве споров о конвенциях. Спор о том, существуют ли на самом деле универсалии, оказывается подобен спору о том, является ли «0 см/сек» на самом деле скоростью. Весь онтологический проект в духе Куайна оказывается иллюзией.

Ван Инваген в ответ на этот довод замечает, что аргументация Патнэма построена на конкретном ярком примере – вопросе о существовании мереологических сумм. Например, мы можем задаться вопросом, существует ли на самом деле такая вещь, как мереологическая сумма Ростральных колонн и Спасской башни: объект, который состоит из суммы этих двух объектов (и, соответственно, находится одновременно в Санкт-Петербурге и в Москве). Но спор об этом (говорит Патнэм) бессмысленен: если нам это нужно, мы можем просто постулировать (и т.о. сделать истинным по определению), что такая вещь существует; либо мы можем, напротив, постулировать, что такой вещи не существует. Спор между постулировавшими одно и постулировавшими другое бессмысленен, потому что они спорят о разных вещах – понятиях существования, имеющих, в силу их постулатов, разные определения. Ван Инваген замечает на это, что аргументация Патнэма явно покоится

Тезис 4. Единственный смысл бытия, или существования, адекватно передается при помощи квантора существования формальной логики

Это тезис не должен вызывать вопросов. Тем не менее мы находим людей, высказывающих суждения типа: «Условия истинности для утверждений с кванторами могут быть даны без постановки вопроса о том, будут ли существовать объекты в области квантификации. Соответственно, квантификация не имеет ничего общего с существованием. На самом деле, термин “квантор существования” – это неудачное название. Нам следовало бы называть его как-то иначе – к примеру, “квантор партикулярности”». Что ж, сам я, конечно, не думаю, что есть какие-то несуществующие объекты и, стало быть, что какая-либо область квантификации могла бы содержать несуществующие объекты. Впрочем, это не то, о чем я сейчас хотел бы поговорить. Скорее, я хотел бы поговорить о природе квантификации. Я хочу предложить объяснение кванторов и переменных, как они предстают с точки зрения куайновской метаонтологии. Мы увидим, что если это объяснение верно, то тезис 4 спорен не более, чем тезис о том, что обыденный смысл «сложения» двух чисел передается адекватным образом при помощи арифметического знака «+».

Я представляю принятое в метаонтологии Куайна объяснение квантификации, показав, как ввести переменные и кванторы

на интуитивной странности спора о существовании мереологических сумм: легко принять мысль о том, что глупо спорить, существует ли такая вещь, как объект, состоящий из Ростральных колонн и Спасской башни. Но даже если подобных вещах спорить глупо (с чем ван Инваген тоже не согласен, но готов принять *argumenti causa*), неясно, как отсюда будет следовать, что столь же глупо спорить о том, существует ли Бог или универсалии. Более того, утверждает ван Инваген, неясно, как вообще значение выражения «существует» могло бы быть расширено чисто конвенционально. Допустим, кто-то хочет расширить значение этого выражения так, чтобы оно относилось в т.ч. к универсалиям. Но если он хочет его подобным образом расширить, то, вероятно, он уже заранее думает, что существует по крайней мере одна универсалия, к которой выражение «существует» применимо, – и работа конвенции оказывается проделанной до того, как ее ввели. – *Примеч. пер.*

в наше рассуждение в качестве сокращений фраз, которые мы уже понимаем¹³. (Я убежден, что это *единственный* способ – за исключением остенсии – объяснить значение любого слова, фразы или идиомы.) Мы увидим, что введенные таким образом кванторы представляют собой не более чем упорядочивание (regimentation) выражений «все» и «существует» обыденного английского языка.

Мы начнем с расширения (supplementing) аппарата местоимений английского языка. Для начала мы введем безгранично большой инвентарь местоимений третьего лица единственного числа – местоимений, использование которых не сопряжено с указанием на пол или одушевленность. Эти местоимения должны быть орфографически и фонетически различны, но семантически неразличимы. Пусть тремя такими местоимениями будут «оно_x», «оно_y», «оно_z»; пусть остальные будут иметь подобный же вид.

Теперь назовем следующие фразы *фразами квантора всеобщности*:

В отношении всего истинно, что оно_x такое, что

В отношении всего истинно, что оно_y такое, что

В отношении всего истинно, что оно_z такое, что

Назовем следующие фразы *фразами квантора существования*:

В отношении по крайней мере одного нечто истинно, что оно_x такое, что

В отношении по крайней мере одного нечто истинно, что оно_y такое, что

В отношении по крайней мере одного нечто истинно, что оно_z такое, что

У любого, кто читает это эссе, скорее всего, есть определенный навык, позволяющий ему преобразовать сложные общие предложения английского языка в предложения, чья общность будет

---

¹³ Следующее далее объяснение квантификации основано на, но не воспроизводит в точности, объяснение, предложенное в: Willard van Orman Quine, *Mathematical Logic* (Cambridge, Mass., 1940): 65–71. – *Примеч. авт.*

выражаться при помощи кванторных фраз и местоимений. Например:

Всякий любит кого-то;

В отношении всего истинно, что оно_x такое, что если оно_x является личностью, то тогда в отношении по крайней мере одного нечто истинно, что оно_y такое, что оно_y является личностью и что оно_x любит его_y.

Такого рода предложения, т.е. предложения, чья общность выражается при помощи кванторных фраз и местоимений, могут быть трудны для чтения или даже двусмысленны в силу неясности (uncertainty) относительно того, где именно кончаются предложения («that»-clauses), следующие за «все», «по крайней мере одного нечто» и «такое, что». Эта трудность легко преодолевается с помощью использования скобок:

В отношении всего истинно, что оно_x такое, что (если оно_x является личностью, то тогда в отношении по крайней мере одного нечто истинно, что оно_y такое, что (оно_y является личностью и что оно_x любит его_y)).

А вот более сложный пример:

Любой, кто выступает сам для себя адвокатом, имеет своим клиентом дурака.

В отношении всего истинно, что оно_x такое, что (если оно_x выступает в качестве адвоката для него_x, то тогда в отношении по крайней мере одного нечто истинно, что оно_y такое, что (оно_y является клиентом его_x и что оно_x является дураком)).

Теперь мы имеем расширенную и упорядоченную (regimented) версию английского языка. («Новые» местоимения и скобки – единственная особенность предложений это новой «версии» английского языка, препятствующая тому, чтобы они могли называться предложениями обычного английского языка. Если бы мы заменили каждое индексированное местоимение на «оно» и убрали бы скобки из этих предложений, то составленные таким образом предложения могли бы быть совершенно обычными предложениями обиденного английского языка – по крайней

мере, совершенно обычными с грамматической точки зрения; несомненно, большинство из них были бы неестественными, нелепыми, двусмысленными, бесполезными и попросту глупыми). Вместе с тем этот расширенный и упорядоченный английский язык несколько громоздок во многом в силу неповоротливости наших «кванторных фраз» и сложности написания или произнесения всех этих утомительных индексаций. Мы можем в известной мере нивелировать этот дефект, введя несколько системных сокращений:

- Сократим индексированные местоимения до их индексов, выделив последние курсивом и подняв их на уровень основного текста. (Назовем эти сокращенные местоимения «переменными».)
- Сократим «в отношении всего истинно, что (*x* такое, что» при помощи « $\forall x(\)$ » – и схожим образом для всех остальных переменных.
- Сократим «в отношении по крайней мере одного нечто истинно, что (*x* такое, что» при помощи « $\exists x(\)$ » – и схожим образом для всех остальных переменных.

Наш второй пример, сокращенный таким образом, выглядит так:

$\forall x$ (если *x* выступает в качестве адвоката *x*, $\exists y$ (*y* является клиентом *x*, и *y* является дураком)).

Очевидно, что таким образом мы получили знакомые нам кванторы и переменные. Мы (по крайней мере, на это моя претензия) ввели кванторы и переменные, используя для этого лишь ресурсы обыденного английского языка. И, полагаю, сделать это – значит *объяснить* кванторы и переменные.

Мы можем приписать Фреге то открытие, что если расширить подобным образом аппарат местоимений английского (немецкого или любого другого достаточно схожего естественного) языка, то становится возможно вывести несколько простых правил синтаксических операций – правил, которые сегодня можно найти в любом хорошем учебнике по логике, – так что в результате этого в последовательностях предложений, которые могут быть образованы посредством последовательного применения этих правил, находит отражение (is captured) поистине поразительное количество правильных форм дедуктивного

рассуждения. Именно ради этих правил имеет смысл использовать кванторы и переменные. То странно выглядящее, неестественное и вычурное переписывание нашей изящной, гладкой английской речи, которое представляет собой язык кванторов и переменных, имеет под собой лишь одну цель: заключить всю эту изящную гладкость (во всяком случае, в той мере, в какой она является средством для выражения тезисов, касающихся общности и существования) в такую форму, в рамках которой становится возможным применение приемлемо малого набора правил синтаксических операций (правил, которые образуют собой пространство правильных форм рассуждения в отношении вопросов общности и существования). Но хотя именно эти правила дают нам мотивацию в пользу того, чтобы иметь в своем распоряжении такую вещь как язык кванторов-переменных, они не являются источником значения этого языка, т.е. предложений, содержащих кванторы и переменные. Значение кванторов задано теми фразами английского языка – или фразами неких других естественных языков, – сокращениями которых они служат. Факт того, что кванторы – это сокращения, позволяет нам дать им наилучшее из возможных определение: мы можем показать, как элиминировать их из некоторых выражений, получив на выходе фразы, которые мы уже понимаем¹⁴.

Теперь вернемся к тезису 4: к тезису о том, что единственный смысл бытия, или существования, адекватно передается при помощи квантора существования формальной логики. Должно быть очевидно, что если наше объяснение значения кванторов – и в частности квантора существования – верно, то этот тезис должен быть истинен. Если наше объяснение верно, то предложение

---

¹⁴ Данный тезис о значении и определении находит серьезных и последовательных оппонентов. Кто-то из таких оппонентов может повторить то, что Дэвид Льюис сказал о методе «семантического маркера» по выявлению семантики для естественных языков: он может сказать, что техника, которую мы предложили для элиминации кванторов из предложения, не сообщает нам «самого главного о значении <...> предложения: а именно, условий, при которых оно было бы истинным» (David Lewis, «General Semantics», in Donald Davidson and Gilbert Harman (eds.), *Semantics of Natural Language* (Dordrecht, 1972), 169). – *Примеч. авт.*

$\exists x x$ – это собака

является сокращением предложения

В отношении по крайней мере одного нечто истинно, что оно_x такое, что оно_x собака.

То есть

В отношении по крайней мере одного нечто истинно, что оно такое, что оно собака.

То есть

В отношении по крайней мере одного нечто истинно, что оно собака.

То есть

По крайней мере одна вещь – собака.

То есть

Есть по крайней мере одна собака.

Таким образом, квантор существования выражает смысл «есть» в повседневном английском языке. И, если верен второй тезис, «есть по крайней мере одна собака» эквивалентно «по крайней мере одна собака существует», и квантор существования также выражает смысл повседневного «существовать». (Соответственно, обозначение «квантор существования» не является неудачным названием. Нет необходимости искать для него некое альтернативное наименование вроде «квантора партикулярности».) По крайней мере, все это верно, если верным является предложенное нами объяснение кванторов. Многие философы – к примеру, сторонники «подстановочной» интерпретации квантификации – могли бы оспорить представленное мною объяснение кванторов¹⁵. Однако защита куайновского

---

¹⁵ Ван Инваген посвятил критике подстановочной интерпретации кванторов отдельную статью: Peter van Inwagen, «Why I Don't Understand Substitutional Quantification», in Peter van Inwagen, *Ontology, Identity, and Modality. Essays in Metaphysics* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001): 32–36. – *Примеч. пер.*

понимания квантификации не представляется возможной в рамках настоящего эссе.

Тезис 5

Теперь перейдем к последнему из пяти тезисов, образующих куайновскую метаонтологию. В отличие от предыдущих четырех, пятый тезис не может быть сколь-нибудь удобным образом сформулирован в виде одного-единственного предложения. Это тезис о наилучшем – единственно разумном – способе попытаться ответить (и вести полемику об альтернативных ответах) на «онтологический вопрос»: что есть? Будучи тезисом о стратегии, он влечет за собой большое количество прагматических рассуждений и потому требует несколько более странного изложения.

Пятый тезис относится к той части метаонтологии Куайна, которая выделяется с помощью слов «критерий онтологического обязательства». Эти слова не всегда понимаются правильно. Как представляется, многие философы считают, что слова «критерий онтологического обязательства Куайна» – это обозначение для тезиса о том, что представляют собой «онтологические обязательства» теории (любой теории). Многие философы, кажется, полагают, что Куайн считает, что существует четко определенный класс объектов, называемых «теориями», и что он считает, что он разработал технику, которую можно применить к «теориям» с тем, чтобы раскрыть объективно имеющуюся у них (но часто скрытую) особенность, или аспект их содержания, который называется «онтологическими обязательствами». Эта техника могла бы быть описана так: переформулируйте теорию на языке кванторов и переменных, или в «канонической записи квантификации»; рассмотрите множество всех предложений, являющихся формальными следствиями переформулированной теории; рассмотрите члены этого множества, которые являются закрытыми предложениями, начинающимися с фразы квантора существования, чья область действия – это остаток предложения; именно эти предложения раскрывают онтологические обязательства теории. Каждое из них

будет состоять из квантора существования, за которым следует переменная, за которой следует предложение, в котором эта переменная является единственной свободной переменной¹⁶. Допустим, к примеру, что « x » – это переменная, следующая за квантором, и что она имеет три свободных вхождения в открытом предложении, которое следует за квантифицированной фразой. В таком случае предложение нашей теории, которое предположительно частично выявляет онтологические обязательства этой теории, может быть схематически представлено следующим образом:

$\exists x \dots x \dots x \dots x$.

Открытое предложение выражает условие, налагаемое на объекты. Онтологическое обязательство нашей теории, которое выявило это наше упражнение, таково: наша теория обязывает нас к признанию существования по крайней мере одного объекта, который удовлетворяет условию, схематически представленному нами следующим образом:

$\dots x \dots x \dots x \dots$

На этом описание того, что (по моему мнению) многие философы ошибочно рассматривали как «критерий онтологического обязательства Куайна», заканчивается. Проблема данной интерпретации «критерия онтологического обязательства Куайна» в том, что в ней заранее предполагается, что есть четко определенные объекты, называемые теориями, и что каждый из них имеет единственно верный перевод на язык кванторов и переменных, или в «каноническую запись». Если бы мы предположили, что существует класс четко определенных объектов, называемых предложениями, то смогли бы получить первую из этих пресуппозиций, определив теорию как любой класс предложений. Это было бы крайне искусственное понимание «теорий», поскольку обычно предполагается, что, скажем, общая теория относительности или теория эволюции не привязаны

---

¹⁶ Или может оказаться, что в этом предложении нет ни одной свободной переменной. Мы не берем в расчет этот специальный случай. – *Примеч. авт.*

к какому-то конкретному классу предложений. Но давайте просто закроем глаза на эту проблему и сосредоточимся на проблеме «единственно верного перевода». Есть две причины того, почему нет такой вещи, как единственно верный перевод теории (или множества предложений) на язык кванторов и переменных. Во-первых, язык кванторов и переменных – это не что-то такое, «чем» определенное предложение написано или не написано (something that a given sentence is «in» or «not in») в том же самом смысле, в каком данное предложение написано буквами иврита, или курсивом, или французским языком. Скорее, язык кванторов и переменных – это то, что в различной степени представлено в различных предложениях. Во-вторых, даже если мы закроем глаза на это обстоятельство, как правило, будут существовать альтернативные способы перевода предложения или множества предложений на язык кванторов и переменных. Эти соображение можно прояснить при помощи следующего примера.

Рассмотрим следующую последовательность предложений – последовательность того типа, который знаком каждому, кто учил логику:

Каждая планета в любой момент времени находится на некотором расстоянии от каждой звезды

$\forall x$ если x – это планета, то x в любой момент времени находится на некотором расстоянии от каждой звезды

$\forall x$ (x – это планета $\rightarrow \forall y$ если y – это звезда, то x в любой момент времени находится на некотором расстоянии от y)

$\forall x$ (x – это планета $\rightarrow \forall y$ (y – это звезда $\rightarrow \forall t$ если t – это момент времени, то тогда x в t находится на некотором расстоянии от y))

$\forall x$ (x – это планета $\rightarrow \forall y$ (y – это звезда $\rightarrow \forall t$ (t – это момент времени $\rightarrow \exists z$ (z – это расстояние & x в t отдалено от y на z))))).

Не следует мыслить язык кванторов и переменных (или каноническую запись квантификации) как что-то, «чем» написано предложение. Скорее этот язык (или эта запись) представляет собой нечто, чего становится *все больше и больше* в каждом

из последующих предложений в данной последовательности¹⁷. В обыденном английском языке есть различные средства (devices) и конструкции, выполняющие ту работу, которую кванторы и переменные выполняют в предложениях из последовательности выше. Мы можем преобразовать предложение английского языка в предложение, строго говоря, не являющееся английским предложением, элиминировав некоторые из этих средств и конструкций посредством их замены на кванторы и переменные. И если английское предложение является хоть сколько-нибудь сложным, то в нем может быть несколько «мест» (sites), которые дают возможность это сделать. В каждом конкретном случае могут быть использованы одна, несколько или все такие возможности; насколько *сильно* преобразовано исходное предложение – сколь много возможностей для введения канонической записи квантификации было использовано, – будет зависеть от целей того, кто вводит эту запись.

Между тем такого рода описание возможностей, представляемых английскими предложениями для введения кванторов и переменных, предполагает, что внутри каждого английского предложения есть полностью определенное и объективно наличествующее количество «мест», в которых могли бы быть введены кванторы и переменные, и что у каждого из этих «мест» есть особенности, диктующие точный способ надлежащего введения этих средств. Разумеется, если бы это было так, то введение кванторов и переменных в английскую речь всегда представляло бы собой чисто механическую процедуру. Быть может, в некоторых случаях введение кванторов и переменных действительно сродни механической процедуре, однако это совершенно точно не всегда так. Начнем с того, что нам иногда придется выбирать между альтернативными способами введения этих недвусмысленных средств в предложение, которое является двусмысленным в отношении его возможных прочтений в том, что касается квантификации. Впрочем, есть более интересное отношение, в котором задача введения канони-

---

¹⁷ Вместо «канонической записи» мы могли бы сказать «каноническая грамматика». См. Уиллард ван Орман Куайн, *Слово и объект* (М.: Логос: Практис, 2000), 262. – *Примеч. авт.*

ческой записи может выходить за рамки чисто механической процедуры. Иногда эта задача требует некоторой доли креативности. В качестве маленького тому примера рассмотрим четырехместное открытое предложение, фигурирующее как часть последнего предложения из последовательности предложений выше. Откуда там взялось слово «отдалено»? Компьютерная программа – по крайней мере, всякая программа, которую действительно мог бы написать человек, – по всей вероятности, могла бы составить предложение, содержащее предложение « x в t находится на z от y » вместо « x в t отдалено от y на z ». Почему этого не сделал я? Ну, просто потому, что это глупо звучит¹⁸. Каковы бы ни были причины того, хотя мы можем

---

¹⁸ Проблема, о которой до конца этого абзаца говорит ван Инваген, связана с особенностями употребления английских предлогов и довольно плохо переводима на русский язык. Оригинальное предложение, которое переводит на язык кванторов и переменных ван Инваген, по-английски выглядит так:

Every planet is at any time at some distance from every star.

Последняя часть последнего предложения последовательности преобразований имеет вид:

x is at t separated from y by z .

Как видно, «planet» заменяется на « x », «at any time» – на «at t », «from every star» – на «from y », но «at some distance» соответствует «separated by z from», а не «at z from», как это должно было бы быть, если бы замена производилась чисто механически. Это связано с тем, что у английского предлога «at» нет лексической сочетаемости с мерами расстояния: хотя мы можем сказать «at some distance from», выражение «at five meters from» звучит аграмматично.

Отчасти эта проблема воспроизводится и в русском языке. Хотя «на некотором расстоянии от» – это хороший русский, «на пяти метрах от» – аграмматичное выражение. Как ван Инвагену в английском нужно было заменить «at some distance from» на «separated by z from», нам нужно заменить «на некотором расстоянии от» на «отдалено на z от». Однако в случае русского языка отличие несколько сглажено тем, что в обоих случаях употребляется один и тот же предлог «на», тогда как в английском различие видно уже на уровне разницы между «at» и «by». Из-за этого русскому читателю может быть труднее понять, о чем именно пытается сказать ван Инваген – почему мы и решили помочь ему настоящим примечанием. – *Примеч. пер.*

сказать, что А находится на некотором расстоянии от В, мы не можем сказать о некотором расстоянии, что А в нем от В. Или, по крайней мере, мы можем сказать нечто подобное разве что с трудом. Понимая, что в случае рабского следования выражению «находится на» из исходного предложения я натолкнусь на этот факт словоупотребления в английском языке, я отправился на поиски альтернативного способа выражения и остановился на таком обороте как «отдален от... на...». Это, если хотите, пример креативности; не самый впечатляющий ее пример в сравнении с множеством других повседневных достижений людей, но, полагаю, значительно превосходящий любые достижения, которых мы можем ожидать от компьютера. Разумеется, было бы абсурдно предполагать, что итоговое введение оборота «отдален от... на...» было каким-либо образом строго продиктовано содержанием исходного английского предложения. Несомненно, есть множество других словесных выражений, которые послужили бы здесь нам в данном случае ничуть не хуже.

Кроме того, введение кванторов и переменных могло бы быть выполнено способами, требующими куда большей креативности, чем описанный выше. Рассмотрим еще раз последнее предложение из вышеуказанной последовательности. На мой взгляд, открытое предложение « z – это расстояние» не имеет большого смысла, учитывая тот факт, что я не могу привести вразумительное описание свойств, которые имел бы удовлетворяющий это предложение объект¹⁹. И поскольку я полагаю, что очевидная осмысленность первого предложения из этой последовательности, предложения обыденного английского языка, не предполагает в качестве условия того, что фраза типа «десять миль» обозначает (denotes) какое-то конкретное «расстояние», я склонен думать, что последнее предложение из данной последовательности не является корректным парафразом первого, хотя второе, третье и четвертое предложения парафразируют его корректно.

---

¹⁹ См. Peter van Inwagen, «Searle on Ontological Commitment», in Ernest LePore and Robert Van Gulick, *John Searle and His Critics* (Oxford: Oxford University Press, 1990), 358, n. 11. – *Примеч. авт.*

Можно сказать, четвертое предложение – это «крайняя граница» в отношении введения кванторов и переменных в целях выполнения той работы, которая выполняется выражениями «каждый», «любой» и «некоторый» в предложении «Каждая планета в любой момент времени находится на некотором расстоянии от каждой звезды». Можно сказать, открытое предложение « x в t находится на некотором расстоянии от y » попросту не дает возможности для введения квантора. Но если это так, то как насчет такого предложения, как «если x находится на определенном расстоянии от y и y находится на определенном расстоянии z , то расстояние от x до y больше, чем расстояние от y до z , или расстояние от x до y равно расстоянию от y до z , или расстояние от x до y меньше, чем расстояние от y до z »? Это предложение очевидно выражает истину – или, по крайней мере, истину очевидно выражает замыкание его квантором общности. Должны ли мы сказать, что это предложение составлено из *четырёх никак не связанных друг с другом* предикатов: того, который мы уже упоминали, и трех других («расстояние от 1 до 2 больше, чем расстояние от 3 до 4» и т.д.)²⁰? Разумеется, это не так. Логические структуры антецедента и консеквента этого предложения связаны куда теснее. Мы могли бы отразить тесную логическую связь между антецедентом и консеквентом, если бы были готовы допустить, что есть такие вещи, как «расстояния», которыми «отдаляются» друг от друга пространственные объекты, и что одним и тем же «расстоянием» может одновременно «отдаляться», с одной стороны, А и В и, с другой стороны, В и третий объект С. Однако нам совсем не обязательно делать такое допущение – которое, как я уже говорил, я не нахожу вразумительным, – чтобы отразить подобную связь. Есть множество альтернатив. Одной из них будет ввести предикат «1 в 2 раза дальше от 3, чем 4 – от 5». Нам не потребуется других предикатов, касающихся пространственной отдаленности, чтобы выразить то, что выражено нашим предложением

---

²⁰ Объяснение «предикатов» см. в: Willard Van Orman Quine, *Elementary Logic* (Cambridge: Cambridge, Mass. 1966), §40–42. Там, где мы использовали цифры, выделенные жирным шрифтом, Куайн использует цифры в кружках. – *Примеч. авт.*

(что бы в точности ни значило «то, что выражено нашим предположением»; примем пока подобные выражения как сами собой разумеющиеся):

Если x в 1 раз дальше от y , чем x – от y , и y в 1 раз дальше от z , чем y – от z , то тогда $\exists n x$ – в n раз дальше от y , чем y – от z , и $n > 1$, или $n = 1$, или $n < 1$.

(Мы могли бы решить опустить слова «и $n > 1$, или $n = 1$, или $n < 1$ », рассматривая их как «подразумеваемое» следствие свойств реальных чисел.) Имея в своем распоряжении этот предикат, мы можем заменить последний пункт (clause) в финальном предложении из нашей последовательности предложений на « x в 1 раз дальше от y , чем x – от y », что позволяет избежать неудобной проблемы описания природы объектов, удовлетворяющих открытому предложению « z – это расстояние»²¹.

Резюмируем: граница между тем, чтобы «не быть записанным» языком кванторов и переменных, и тем, чтобы «быть записанным» им, не является резкой, но представляет собой дело степени – или, лучше сказать, введение кванторов и переменных в конкретный случай английской речи состоит в использовании некоторых или всех возможностей, предоставляемых предложениями, из которых состоит этот случай речи, для замены некоторых конструкций внутри этих предложений на конструкции, включающие в себя кванторы и переменные. И это процедура, которая может потребовать некоторой толики креативности. «Механический» подход к введению канонической записи квантификации может приводить к сомнительному с точки зрения грамматики результату. Что еще важнее, изначально напрашивавшиеся сами собой определенные способы введения кванторов и переменных по зрелом размышлении могут показаться философски небесспорными: способ введения кванторов или переменных может давать набор предложений, формальным следствием которого будет экзистенциальное обобщение

²¹ В целях упрощения настоящего примера я опустил временную переменную. Строго говоря, мне следовало бы ввести предикат «в момент времени **1 2** в **3** раза дальше от **4**, чем **5** – от **6**» и заменить последний пункт (clause) последнего предложения на «в $t x$ в 1 раз дальше от y , чем x – от y ». – *Примеч. авт.*

открытого предложения F, такое что по размышлении мы можем оказаться не готовы допустить, что есть что-то, что удовлетворяет F. (На место «F» подставь «z – это расстояние», «x – это число», «y – это множество» и т.д.) При этом мы можем быть убеждены, что наш «изначальный» случай английской речи не имел своим следствием, что есть некоторые F и что тем не менее английская речь содержала логическую структуру, которую можно некоторым образом отразить логическими конструкциями, содержащими кванторы и переменные. Именно в этом случае – для того чтобы быть способными действовать в соответствии с этим убеждением – и требуется креативность. И нет никакой единственно верной заранее существующей «скрытой логической формы», которая могла бы быть раскрыта при помощи этой креативности. Очевидно неверно, что любой перевод некоторого конкретного случая английской речи на язык кванторов и переменных ничуть не хуже любого другого, однако будет множество интересных случаев, когда вопрос о том, является ли один такой перевод ничуть не худшим, чем какой-то другой, будет философским вопросом со всеми вытекающими *отсюда* последствиями. (Быть может, в некоторых случаях этот вопрос является эстетическим или научным. Некоторые «постулируемые объекты» оскорбляют эстетические чувства определенных людей, даже если они не имеют «строгих» возражений против них. Другие такие объекты могут быть прекрасными и философски вполне приемлемыми, однако трудно совместимыми с ныне общепринятыми научными теориями.)

Таким образом, неверно говорить, что некая теория или некий конкретный случай английской речи имеют определенные в большей или меньшей степени скрытые, но объективно имеющиеся у них «онтологические обязательства». Более того, Куайн прекрасно осознает этот факт, и он не предлагал какой бы то ни было механической техники для их раскрытия. (Утверждение о том, что такого рода суждение высказал истовый прагматист, несомненно, звучит почти невероятно.) Что же тогда *представляет собой* «куайновский критерий онтологического обязательства»?

Я уже говорил, что эти слова служат обозначением для определенного тезиса, касающегося стратегии. Точнее сказать,

это обозначение для наиболее выгодной стратегии для того, чтобы заставить людей прояснить свои онтологические обязательства (или онтологические обязательства их речи). Стратегия такова: некто берет предложения, которые принимает другой участник разговора, и с помощью любых доступных ему диалектических приемов побуждает собеседника вводить в его предложения все больше и больше кванторов и переменных. (Или, если хотите, этого человека побуждают принимать новые предложения – предложения, полученные из предложений, с которыми он изначально был согласен, – путем последовательной замены средств и конструкций обыденного английского языка на средства и конструкции канонического языка квантификации. Наша последовательность предложений о звездах, планетах и расстояниях служит примером того, что имеется в виду под такой «нарастающей заменой» (*progressive replacement*). Если в какой-то момент этой процедуры выясняется, что экзистенциальное обобщение некоторого открытого предложения F может быть формально выведено из предложений, принимаемых этим человеком, то этим будет показано, что предложения, которые он принимает, и способы введения кванторов и переменных в те предложения, с которыми он согласен, формально обязывают его к признанию того, что существуют вещи, удовлетворяющие F .

«Но если кто-нибудь не верит, к примеру, в числа и видит, что определенное введение кванторов и переменных в его предложения имело бы своим следствием, что из получившихся предложений может быть формально выведено “ $\exists x x$ – это число”, то почему бы ему просто не отказаться от введения канонической записи именно в этом случае и не сказать: “Досюда, но не далее”²²? Почему он не может прекратить играть в куйновскую игру, как только пожелает? И раз уж на то пошло, почему он вообще должен соглашаться в нее играть?»

---

²² «Thus far and no farther» – английское повседневное выражение с библейскими корнями. Ближе к Иов 38:11: «до сего дойдешь и не преjdeши». – *Примеч. пер.*

Что ж, любой философ абсолютно свободен сопротивляться применению любых диалектических ухищрений. Однако уместно обозначать два следующих момента.

- Иногда, в простых случаях, в которых требуется очень мало креативности или не требуется ее совсем, отказ принять очевидное предложение (proposal) ввести кванторы и переменные может быть близким к невразумительному. В конце концов, символ « $\exists$ » – это по сути сокращение английского «есть» (there is) точно таким же образом, каким «+» – по сути сокращение английского «плюс». Допустим, к примеру, что некий философ утверждает, что некоторые метафизические предложения (sentences) осмысленны; допустим, в частности, что он действительно произнес или написал предложение «Некоторые метафизические предложения осмысленны». И допустим также, что он является фанатичным номиналистом, известным своими заявлениями о том, что, строго говоря, предложений не существует. Совершенно ясным является предложение (proposal) ввести каноническую запись квантификации в английское предложение (sentence) «Некоторые метафизические предложения осмысленны»:

$\exists x$ (x – это предложение & x – метафизическое & x осмысленно).

- Однако философу, написавшему предложение «Некоторые метафизические предложения осмысленны» и отрицающему, что (строго говоря) есть какие бы то ни было предложения, придется отклонить это ясное предложение (proposal). И если учитывать, что « $\exists$ » просто *означает* «есть» (равно как «+» просто означает «плюс»), весьма непросто обосновать такого рода непреклонность. (Как нам следует понимать того, кто готов написать или произнести предложение «Два плюс два равно четыре» и в то же время отказывается – и вовсе не потому, что не знает канонической записи элементарной арифметики – написать или произнести предложение « $2+2=4$ »?). Если же говорить об историческом факте, то Куайн, как кажется, начал говорить о «канонической

записи квантификации» в онтологическом контексте вследствие того, что он столкнулся с философами, принимавшими английские предложения, чья очевидная «символизация» имела форму « $\exists x (Gx \ \& \ Hx)$ », и тем не менее отрицавшими соответствующие им английские предложения, имеющие форму « $\exists x Gx$ »²³.

- В более сложных случаях отказ идти далее определенной границы в замене выражений повседневного английского языка на кванторы и переменные мог бы оставить английские предикаты, интуитивно кажущиеся тесно связанными на логическом уровне, без какой-либо очевидной логической связи. (Мы уже видели тому пример выше.) И это могло бы оставить нас без какого-либо способа объяснения правильности тех дедуктивных выводов (validity of inferences), которые интуитивно кажутся нам правильными.

Я завершу настоящее эссе небольшим примером того, как философ мог бы апеллировать к последнему пункту в споре о том, что есть. Пример позаимствован из классического эссе Дэвида и Стефани Льюисов «Дырки»²⁴.

Допустим, некий материалист отказывается признавать, что предложение «В этом куске сыра ровно две дырки» можно перевести на язык кванторов и переменных следующим образом:

$\exists x \exists y (x \text{ — это дырки} \ \& \ y \text{ — это дырки} \ \& \ x \text{ в этом куске сыра} \ \& \ y \text{ в этом куске сыра} \ \& \ \sim x = y \ \& \ \forall z (z \text{ это дырки} \ \& \ z \text{ в этом куске сыра} \ \rightarrow .z = x \vee z = y))$.

(Можно понять, почему материалист не хотел бы принять этот перевод: несомненно, будут случаи, когда он принял бы то, что

²³ См., к примеру, обсуждение у Куайна (Willard van Orman Quine, «On Carnap's Views on Ontology», *Philosophical Studies* 2 (1951): 65–72) карнаповского разграничения «внутренних» (internal) и «внешних» (external) вопросов; рассуждение, позволившее Карнапу отбросить как недопустимый (illegitimate) вопрос «Существуют ли числа?», но счесть вопрос «Существует ли наибольшая пара простых чисел-близнецов?» допустимым (legitimate). – *Примеч. авт.*

²⁴ David Lewis and Stephanie Lewis, «Holes», *Australian Journal of Philosophy* 48 (1970): 206–212. – *Примеч. авт.*

было выражено в этом случае посредством указанного предложения обыденного английского языка; предложенный перевод выражает истину лишь в том случае, если есть объекты, удовлетворяющие открытому предложению « x – это дырка»; если материализм истинен, то тогда есть только материальные объекты; ни один материальный объект не удовлетворяет « x – это дырка»). Предположим, кто-то ведет онтологическую дискуссию с такого рода материалистом. Точное содержание дискуссии в данном случае не столь уж важно. (Собеседник мог бы быть противником материализма или просто мог бы пытаться лучше понять, что именно подразумевает позиция этого материалиста). Вот как можно было бы применить соображения по поводу правильности дедуктивного вывода (*validity of inference*) в подобного рода дискуссии. Собеседник мог бы попросить материалиста рассмотреть обыденное английское предложение «Если в этом куске сыра три семечка тмина, то в этом куске сыра семечек больше, чем дырок». Очевидно, это предположение – логическое следствие предложения «В этом куске сыра ровно две дырки». Любой, кто принимает вышеприведенную «символизацию» последнего предложения и кто принимает любую аналогичную символизацию второго предложения, легко может объяснить факт того, что второе предложение является логическим следствием первого: символизация второго предложения есть формальное следствие символизации первого. Однако наш материалист не может принять такое объяснение данного факта и должен или довольствоваться отсутствием объяснения, или предложить какое-то другое объяснение. Единственный напрашивающийся сам собою способ найти альтернативное объяснение это факта таков: подыскать такие альтернативные символизации двух предложений, чтобы (i) «новая» символизация последнего предложения была формальным следствием «новой» символизации первого и (ii) чтобы ни одна из новых символизаций не была такой, чтобы их истина требовала существования объектов, удовлетворяющих некоторому открытому предложению (вроде « x – это дырка»), которое не может быть удовлетворено объектами, принимаемыми материалистом.

В данном случае достаточно легко найти такие альтернативные символизации – при условии, что материалист готов

принять существование некого рода абстрактных объектов. С некоторыми трудностями (как показали Льюисы) можно изыскать альтернативные символизации, не предполагающие существования абстрактных объектов. Но, если говорить откровенно, эти «номиналистические» символизации причудливы и апеллируют к очень сильному принципу мереологического суммирования. Выходит, определенные неблагоприятные последствия строгого номиналистического материализма становятся очевидны лишь в случае принятия куайновской стратегии прояснения онтологических споров, и маловероятно, что они были бы замечены при ином раскладе. Вот, на мой взгляд, главный урок, который мы могли бы вынести из всего из этого: все онтологические споры, в которых оппоненты не принимают куайновскую стратегию онтологического прояснения, сомнительны. Если куайновские «правила» ведения онтологического спора не соблюдаются, то – говорят те из нас, кто придерживается куайновской метаонтологии, – почти наверняка многие неблагоприятные следствия позиций спора останутся незамеченными вследствие неточности формулировок и готовности принимать желаемое за действительное²⁵.

---

²⁵ Настоящее эссе представляет собой адаптацию первой главы книги «Бытие: онтологическое исследование» (*Being: A Study in Ontology*), которая выйдет в Oxford University Press. – Примеч. авт.